

ПРЫЖОК был неожиданным, как вспышка молнии. Легкая фигурка оторвалась от сцены и на мгновение завила в «шпагате». Казалось, зал вместе с нею глубоко вздохнул, замер. И одновременно с выходом раздался шквал аплодисментов.

Какой уверенной силой наполнен этот полет! В нем торжество и упоение, и неуемная радость, и блаженство. Надины выступления мы много раз видели на экранах телевизоров. И даже не посвященные в тонкости ее искусства, воспринимали его ясно и глубоко лично. Оно доступно всем — и тем, кто внимательно отсчитывает тридцать два оборота ее фуэте, всматривается в строгую струнку экарте (когда нога идет вертикально вверх), отмечает четкое движение заноски. Ее искусство доступно специалистам и людям, которым сами термины балетных па еще ничего не объясняют. Рисунок ее танца, безупречный в техническом отношении, полон огромного человеческого чувства. А этот язык понятен и прекрасен. И только потом, когда в зале растворяются звуки музыки, и Надя Павлова подходит к самому краю освещенной рампы, появляется мысль: откуда в ней, такой юной, еще совсем девочке, эта глубина переживаний, это мирское знание?

В самом деле откуда?

РУКОПОЖАТИЕ Надя легкое, почти невесомое. Сама она неожиданно миниатюрна. Челка, спадающая на лоб, едва не прикрывает большие карие глаза. Волосы туго схвачены на затылке. Знакомится — и быстро уходит. Сейчас у нее репетиция. Мы проводим вместе с ней этот день, и я все стараюсь понять: какая она, Надя Павлова? Что лежит в основе ее искусства и в основе ее характера?

Войти в контакт с Надей оказывается довольно трудно. Она молчалива, очень серьезна, сосредоточена. Танец воспринимается ею, как естественное и непрерывное состояние ее жизни. День без танца — скучный, потерянный.

Теперь все говорят, что Надя родилась для балета. Семья ее — самая обычная, из Чувашии. Отец — рентгенолог, мать — воспитательница детского сада. Надя — младшая из трех детей. Ее в восьмилетнем возрасте «открыли» в кружке балета чебоксарского Дворца пионеров.

Николай Николаевич Боярчиков, главный балетмейстер Пермского театра оперы и балета им. П. И. Чайковского, так объяснял мне: — Действительно, Надя создана для искусства. Можно сказать, что это подлинно классический образец, на котором построена вся наука балета. У нее великолепный шаг, высокий прыжок, красивые ноги, тонкая музыкальность. Все это основа танца. Ну а техника — классическая, безупречная — появилась уже в хореографическом училище благодаря усилиям великолепного педагога Людмилы Павловны Сахаровой.

Сахарова была для Нади всем — она ее учила, воспитывала, наставляла. Она готовила ее к труду изнутри, но естественно. Оберегала от восторженной шумихи и парадности, защищала, как мать. Ведь слава так внезапно взвалилась на хрупкие плечи пятнадцатилетней Нади Павловой! Сначала она, ученица шестого класса хореографического училища, в 1972 году была объявлена призёром Всесоюзного конкурса артистов балета. Через год стала обладательницей «Гран при» и золотой медали на Московском международном конкурсе.

На нее, воспитанную в

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

НАДЕЖДА

скромности и трудолюбия, обрушился шквал оваций, бесконечные вопросы почитателей, просьбы любителей автографов. Восторженные отзывы не вскружили ей голову, напротив, они помешали ей, выбили из колеи. Понять ее тогда в силах была, пожалуй, только Сахарова. Это ей Надя послала телеграмму: «Возьмите меня обратно в Пермь. Замучили журналисты».

И Сахарова нашла для нее мужественные слова. Она говорила ей так: «Девочка, успокойся и пойми меня правильно. Самое главное впереди: теперь нужно доказать в первую очередь самой себе, что это не случай, что ты действительно можешь. Ты взяла пока только самую первую высоту. За ней должны быть другие. Подъем начнется от подножия. Подъем — это работа. Это каждый раз снова начало. Другого пути нет».

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, это очень здорово — хорошо выступить на конкурсе.

Но во сто крат труднее подготовить целый спектакль, создать образ и дать его в развитии. Уже год Надя — солистка Пермского театра. Она начинала на его сцене еще ученицей — исполняла принцессу в «Щелкунчике». Эта роль была нежной, поэтичной, как сказка, как само вступление в жизнь. Затем «Дон-Кихот» — Китри. Образ кокетливый, изысканно женственный, с тонким рисунком.

— Когда решили ввести Надю в «Жизель», — рассказывает Н. Н. Боярчиков, — мы с Сахаровой шли на известный риск. Спектакль этот был для всех нас своего рода экспериментом. Справится ли Надя с лавиной разнообразных чувств? Даст ли глубину переживаний, психологию характера? «Жизель» — очень сложный балет и самые великие артисты, танцующие в нем, прославили свое имя.

К «Жизели» Надя пришла интуитивно. Ведь сначала ей больше удавалось в танце упоение счастьем,

всплески радости. А здесь родилось размышление. С каждым новым спектаклем она находит новые штрихи, поиск идет в глубину, и поэтому роль вся еще в развитии, в движении.

Многим севастьяпольцам посчастливилось видеть «Жизель» на севастьяпольской сцене. В этом спектакле драматическая глубина Н. Павловой оказалась вровень с ее балетным искусством.

Позднее Надя сыграла Джульетту в «Ромео и Джульетте». Интересную роль подготовила в балете «Чудесный мандарин» по Б. Бартоку: здесь острая современная хореография удачно «легла» на ее природные данные. Затем ее пригласили на съемки «Синей птицы».

Е И УДАЕТСЯ еще не все. И далеко не все — сразу. Но поражают ее упорство и трудолюбие. То взрослое, профессиональное отношение к работе, которое заложено в ее натуре.

Вот на сцене театра им. А. В. Луначарского идет репетиция. Олушен штанкет, на котором обычно крепятся декорации. Артисты балета используют его как станок. Повторяются сцены из «Испанских миниатюр». В этом спектакле Надя не занята. Ее подруга, Оля Ченчикова отработывает адажио.

Надя — в красном трико — подошла к станку и принялась за разминку. Она начала свои обычные упражнения из сложной балетной азбуки. Раз, еще раз. До изнеможения. До седьмого пота. Краем глаза наблюдает за Олей. Так так... хорошо.

— Отчаянная ты, Оля, — раздается голос балетмейстера. — Прямо Валерий Чкалов.

Оля смеется. Уголками губ чуть-чуть улыбается Надя. Она всегда остро переживает за Олю. Приходит на каждый ее спектакль, стоит за кулисами, внимательно всматривается. И если все хорошо, радуются вместе.

ЗРИТЕЛЯМ многих родов и стран знакома ее улыбка. Торжествующая, победная, открытая — в танце. Смушенная — при выходе на сцену под аплодисменты. В обычной жизни, на людях она улыбается редко. Скорее напряженно всматривается, хмурит лоб, отводит взгляд. Часто будто уходит внутрь себя, прислушиваясь к одной ей понятной музыке. Любит скорость, быстрое движение. Замечая, как задорно преображается она, когда стрелка на спидометре автомобиля переползает за стокилометровую отметку. Бьет в лицо ветер, запутывает пряди волос. Надя довольна.

...К Байдарским воротам подъезжаем неожиданно. В просвете, среди гористой зелени раскрывается море. Граница воды и неба стирается в серовато-синей дымке, и лишь далеко внизу яркой лазурью отливают прибрежная полоса. Надя подходит к самому краю обрыва и замирает. Слово вся — ее хрупкая фигурка подчиняется какой-то упругой силе. И тут в ее глазах вновь появляется тот неудержимый блеск, который сопровождает ее выступления на сцене. Она чуть слышно выдыхает: — До чего хорошо!

НАДИНА дорога только начинается. Ее успехи, ее вершины — все впереди. Впереди — сцена Большого театра, солисткой которого она теперь становится. И это — признание. И это большая честь. Ведь Надю Павлову называют надеждой советского балета.

Е. ЮРЗДИЦКАЯ.

НА СНИМКАХ: Надя Павлова. Внизу — Китри, балет «Дон-Кихот».

Фото Ю. Силина и В. Покатило.

17 АВГ 1975

НАДЯ ПАВЛОВА

г. Севастополь